

Н. А. ПАУКОВ

ПУШКИН И САТИРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ФОНВИЗИНА

Как известно, оценки литературы XVIII века во времена Пушкина вылились в острую полемическую борьбу с ярко выраженной общественной направленностью, так как с ними, фактически, был связан коренной вопрос русской литературы — вопрос о путях и формах ее дальнейшего развития. Естественно, Пушкин не мог стоять и не стоял в стороне от этой борьбы. Его литературно-критические высказывания интересны не только с точки зрения истории литературы, но и помогают объяснить подчас такие проявления его творчества, которые на первый взгляд кажутся непонятными и вызывают разные толкования. При всей обширности работ по исследованию пушкинского наследства в них, на наш взгляд, недостаточно изучена проблема сатирического в творчестве Пушкина, в частности, своеобразное, сложное и нередко противоречивое отношение поэта к сатире.

В этой связи заслуживают пристального внимания пушкинские оценки Фонвизина и сопоставление их с оценками известного критика и поэта Вяземского, написавшего в 1830 году специальную книгу «Жизнь Фон-визина», посвященную выдающемуся сатирику XVIII века (напечатана книга в гипографии внешней торговли в 1848 году).

Хорошо известно, что именно Пушкин активно побуждал Вяземского к этому труду, давал автору советы и наставления, неоднократно подталкивал, торопил его.

— Что издание Фонвизина? — спрашивает он в феврале 1825 года¹.

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. XIII. Изд-во АН СССР, 1937, стр. 145. (В дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию).

«Радуюсь, что ты принялся за Фонвизина. Что ты ни скажешь о нем или кстати о нем, все будет хорошо, потому что будет сказано» (ноябрь 1830 года)².

Плетиеву: «Вяземский везет к Вам «Жизнь Фонвизина», книгу едва ли не самую замечательную, с тех пор как пишут у нас книги (все-таки исключая Карамзина)» — 1831 год³ и т. д.

Последнее замечание объясняется не только «хорошим слогом» работы Вяземского, но и тем, что Пушкин был, безусловно, согласен с рядом его наблюдений. К ним относится заявление о том, что «Простакова стоит на грани комедии и трагедии»⁴, что «Фонвизин умел быть оригинальным среди подражателей»⁵, что «гибельные плоды невежества, худого воспитания и злоупотребления домашней властью выставлены им смелою рукой и раскрашены красками самыми ненавистными...»⁶ (курсив мой. — Н. П.).

Утверждение, что «все сцены, в которых является Простакова, исполнены жизни и верности»⁷, прямо перекликается с пушкинским «творец, списавший Простакову»⁸. Справедливы, с точки зрения Пушкина, и такие замечания Вяземского: «В сей драме заметен один недостаток... недостаток изобретения и неподвижность события»⁹. «Роли Милона и Софьи бледны»¹⁰. Пушкин также скажет о «педанстве» положительных героев комедии.

Вяземский не оставил нам всех замечаний Пушкина о его работе, передав только одно: «Между прочим, находил он, что я слишком живо нападаю на Фонвизина за мнение его о французах и слишком горячо отстаиваю французских писателей»¹¹. Это соответствует утверждению Пушкина, что Фонвизин «русский, из прерусских русский»¹², то есть о национальной самобытности Фонвизина. Однако этим расхождением Пушкина и Вяземского во взглядах на Фонвизина далеко не ограничиваются. В 1830 году, когда Вяземский оканчивал и перерабатывал свой труд, знакомый уже Пушкину, последний пишет: «Критические статьи кн. Вяземского носят на себе отпечаток ума тонкого, наблюдательного, оригинального. Часто не соглашаешься с его мыслями, но они заставляют мыслить»¹³ (курсив мой. — Н. П.).

² А. С. Пушкин, т. XIV, стр. 122.

³ Там же, стр. 161.

⁴ П. Вяземский. Жизнь Фонвизина. СПб., 1848, стр. 210.

⁵ Там же, стр. 18.

⁶ Там же, стр. 209.

⁷ Там же, стр. 212.

⁸ А. С. Пушкин, т. I, стр. 160.

⁹ П. Вяземский. Указ. соч., стр. 211.

¹⁰ Там же, стр. 216.

¹¹ Там же, стр. 572.

¹² А. С. Пушкин, т. XIII, стр. 121.

¹³ Там же, т. XI, стр. 97.

Пушкин значительно глубже проник в существо творчества Фонвизина, отмечая прежде всего его народность (в пушкинском понимании этого слова) и социальную остроту. Именно в таком направлении он стремился повлиять на автора «Жизни Фонвизина». Об этом Вяземский говорит *косвенно* в предисловии к своему труду: «В 1830-й, холерный год я расширил свою работу, т. е. одинокое лицо Фонвизина вошло в общественную жизнь эпохи, и современная ему эпоха обставила написанное мною его изображение»¹⁴.

О *принципиальных* спорах Пушкина и Вяземского в связи с оценкой Фонвизина свидетельствует и следующее. Вяземский в статье «О жизни и сочинениях Озерова» замечает: «Фонвизин писал прозою комедии, доньше лучшие на нашем театре, и даже единственные, как по истине представленных нравов и характеров, так и по разговору, который блистает непринужденным остроумием»¹⁵. Сказано как будто бы верно, но Пушкину этого мало, так как не подчеркнута народность и социальная острота комедий, и он замечает на полях: «Не поэтому, но о Фонвизине поговорим после»¹⁶. Такое, на первый взгляд непонятное возражение Пушкина поясняет его высказывание о том, принадлежит или не принадлежит Фонвизину «Разговор у княгини Халдиной». Там он заявляет: «Кто хотя немного изучил *дух* и слог Фонвизина, тот узнает тотчас их несомненные признаки и в «Разговоре»¹⁷ (курсив мой. — Н. П.).

О том, как понимал Пушкин фонвизинский «дух», видно из его широко известных оценок Фонвизина: «друг свободы», «сатиры смелый властелин»¹⁸, «насмешник, лаврами повитый», «невежде бич и враг», «страшна Фонвизина рука»¹⁹, «Недоросль», сей единственный памятник народной сатиры» и другие. Исходя из этих оценок, можно категорически утверждать, что Пушкин не смог согласиться с Вяземским, который до конца не учел его главных замечаний в характеристике «золотого века» Екатерины. Он не соглашался с умалением социально-критического направления лучшей части литературы XVIII века, с таким сопоставлением Фонвизина и Княжнина, когда предпочтение «в хозяйственном устройстве комедии»²⁰ отдается, фактически, последнему. Не мог согласиться Пушкин и с утверждением, что русская действительность, сам нрав русского человека не дают материала для настоящей сатиры, яркой комедии. Так, у Вяземского мы встречаем: «Стройный, правильный, выравненный, симметрический, одноцветный, цельный Петербург может некоторым образом служить эмблемою

¹⁴ П. Вяземский. Указ. соч. Предисловие, стр. IV.

¹⁵ А. С. Пушкин, т. XII, стр. 219.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, т. XI, стр. 96.

¹⁸ Там же, т. VI, стр. 12.

¹⁹ Там же, т. I, стр. 161.

²⁰ П. Вяземский. Указ. соч., стр. 205.

нашего общежития»²¹. Или: «Воспитание почти у всех одинаковое, поприще общее»²². «У нас краеугольный камень, связь и ключ общества — карты. Из карточных стихий можно ли составить комедию?»²³.

Здесь сказались противоречивость, непоследовательность литературно-критических и общественных взглядов Вяземского, между тем как для Пушкина характерна, в конечном счете, убежденная прогрессивность. Пушкинская оценка Фонвизина наиболее отчетлива, определена и последовательна из всех оценок литераторов XVIII века. Оценки творчества Ломоносова, Державина и Радищева, отношение Пушкина к этим писателям и до сих пор вызывает разные толкования в нашем литературоведении. Например, Б. С. Мейлах в недавно изданном труде «Пушкин и его эпоха» высказывает свою, новую точку зрения. Оценки же Пушкиным Фонвизина споров не вызывали, так как о нем — единственном, пожалуй, представителе прошлой литературы — он говорит положительно, с восхищением, и не только говорит, но даже частично использует его образы и отдельные выражения. «Чета Скотининых седея» — в «Евгении Онегине»²⁴, «Бельведерский Митрофан» — в одной из эпиграмм²⁵, «Для них не прошли еще времена Фонвизина. Между ими процветают Простаковы и Скотинины»²⁶ — о современных дворянах в «Романе в письмах». В «Капитанской дочке» Савельич характеризуется автором буквальными словами Фонвизина из «Послания к слугам моим»: «И денег, и белья, и дел моих рачитель»²⁷.

Фонвизин близок к Пушкину по «духу», то есть по отрицательному, критическому отношению к окружающей его действительности, по реалистическим тенденциям в творчестве, потому что он «из прерусских русский». Пушкин принимал «дух» Фонвизина, но это не значило, что он принял или, как иногда говорят, «впитал в себя в качестве одного из элементов» его творческий метод.

Есть одно, единственное, загадочно-отрицательное замечание Пушкина о Фонвизине, сделанное в 1830 году: «...Ломоносов, Державин, Фонвизин ожидают еще египетского суда»²⁸. О Державине чрезвычайно резко он сказал уже в 1825 году: «Этот чудаки не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка»²⁹. О Ломоносове же он говорил в 1833 году: «В Ломоносове нет ни чувства, ни выражения... Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высоко-

²¹ П. Вяземский. Указ. соч., стр. 179 и 180.

²² Там же, стр. 180.

²³ Там же, стр. 181.

²⁴ А. С. Пушкин, т. VI, стр. 103.

²⁵ Там же, т. I, стр. 51.

²⁶ Там же, т. VIII, стр. 53.

²⁷ Там же, стр. 284.

²⁸ Там же, т. XI, стр. 89.

²⁹ Там же, т. XIII, стр. 181.

нажность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности, вот следы, оставленные Ломоносовым»³⁰.

Слов нет, в этих оценках Пушкин несправедлив и выступает не как объективный историк литературы, а как пылкий борец за утверждение реализма. Отвлекаясь от конкретной борьбы, он найдет восторженные слова и для Ломоносова, и для Державина. Но о Фонвизине так критически Пушкин *никогда* не отзывался. Почему же он поставил его рядом с Ломоносовым и Державиным перед «египетским судом» будущего? За что собирался Пушкин судить Фонвизина? За дух? За слог? Нет! На наш взгляд, — за односторонний, а значит, и недостаточный подход к изображению человека и жизни.

Для подтверждения этого уместно будет хотя бы вкратце сказать о понимании Пушкиным сатиры, о месте и характере сатирического в художественной *практике* поэта. Это, в свою очередь, может подвести к большой и, по нашему мнению, далеко не изученной проблеме о соотношении реализма Пушкина и Гоголя.

Д. Д. Благой говорит, что в сатирах Кантемира отчетливо видны «первые побег... критического реализма»³¹, что «Недоросль» Фонвизина можно назвать «первым замечательным образцом русского критического реализма в русской литературе»³², что прямым преемником Фонвизина является Гоголь.

Очевидно, безоговорочно принимая утверждение Добролюбова о том, что «литература наша началась сатирою, продолжалась сатирою и до сих пор стоит на сатире»³³, и, вместе с тем, не соглашаясь с Чернышевским, который, как известно, недооценивал критического характера пушкинского творчества, Д. Д. Благой всемерно подчеркивает преимущественное внимание Пушкина к сатире. Он заявляет, что это «составляет одно из задушевных эстетических убеждений, одну из основных особенностей литературного сознания Пушкина и в период его полной творческой зрелости»³⁴. Такая трактовка, имеющая фактически цель защитить основоположника новой русской литературы от некоторых претензий к нему со стороны революционных демократов, справедлива только отчасти и, на наш взгляд, недостаточна.

Выводы Пушкина о Фонвизине и о сатире вообще *в сочетании с его художественной практикой* свидетельствуют о том, что дело обстоит значительно сложнее. Бесспорно, что

³⁰ А. С. Пушкин, т. XI, стр. 249.

³¹ Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. Учпедгиз, 1951, стр. 132.

³² Там же, стр. 366.

³³ Н. А. Добролюбов. Избранные сочинения. М., ОГИЗ, 1947, стр. 169.

³⁴ Д. Д. Благой. Пушкин и русская литература XVIII века. Сб. «Пушкин — родоначальник новой русской литературы». Изд-во АН СССР, 1941, стр. 107.

в пушкинском творчестве преломляются одическое, жизнеутверждающее и сатирическое, отрицающее, бичующее конкретную действительность направления предшествующей русской литературы. По этому вопросу не спорят и спорить нельзя. Но вот о том, каково же соотношение этих элементов, какое место занимает сатира и почему она переродилась, по выражению Белинского, в юмор, почему еще при жизни Пушкина понадобился Гоголь и только ли «шаг вперед» сделал он в изображении жизни или кое-что обеднил по сравнению с пушкинским реализмом, — об этом следует говорить.

Эти вопросы нуждаются в капитальном исследовании. Мы же выскажем лишь отдельные замечания и соображения (возможно, довольно спорные) по этому поводу.

Пушкин мучительно размышлял о том, как органически слить лирическое и сатирическое, искал пути такого слияния, справедливо полагая, что только в нем будет возможно наиболее полное выражение настоящего и идеалов будущего. В этих поисках можно заметить колебания, внутреннюю борьбу, противоречивость и даже отдельные неудачи поэта. Да и задача эта чрезвычайно трудная: воспевать и отрицать как будто включающие друг друга понятия. Их синтез должен быть таким, чтобы определилась преобладающая направленность и, вместе с тем, не была нарушена жизненная правда. Жизнелюбец Пушкин придал своему творчеству в целом оптимистический, жизнеутверждающий, «солнечный» тон, а гений свой назвал «добрым»³⁵. Уже этот тон заключал в себе своеобразный, смелый до дерзости протест против гнетущего режима Аракчеева и Николая I.

Именно так поэзию Пушкина воспринимало новое поколение передовых русских людей, идущих на смену декабристам. Герцен писал: «Людьми овладела глубокая безнадежность, общий упадок сил... Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос в отдаленное будущее»³⁶.

Но Пушкин — реалист, прочно привязанный к действительности, не мог, конечно, пройти мимо конкретных проявлений «мерзостей бытия» и всем своим творчеством реагировал на них. «Ума холодных наблюдений и сердца горестный замет»³⁷ — скажет он об этой стороне своей деятельности.

Отсюда, как нам кажется, идет его «слабость» и неравнодушие к Фонвизину — одному из самых ярких и талантливых представителей сатирического направления в русской литературе. Пушкин даже как-то виновато, с оттенком извинения го-

³⁵ А. С. Пушкин, т. II, стр. 258.

³⁶ А. И. Герцен. Избранные сочинения. М., Гослитиздат, 1937, стр. 399.

³⁷ А. С. Пушкин, т. VI, стр. 3.

ворит: «Пожалеешь невольно, что не Фонвизину досталось изображать новейшие наши нравы»³⁸.

Уже в самом начале творческого пути у Пушкина идет внутренняя борьба по вопросу, какое же направление избрать ему, кому следовать. И тут же заметны мучительные раздумья о недостаточности и Фонвизина, и Ломоносова, и Анакреона. Вот некоторые примеры.

1815 год. Много о сатире и сатириках. «С Мольером-исполнителем Фонвизин и Княжнин» («Городок»).

...Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом
В сатире праведной порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.

(«Лицинио»)

В стихотворении «Тень Фонвизина» в судьи современной литературы Пушкин призывает сатирика:

В раю за грустным Ахероном,
Зевая, в рощице густой,
Творец, любимый Аполлоном,
Увидеть вздумал мир земной.
То был писатель знаменитый,
Известный русский весельчак,
Насмешник, лаврами повитый,
Денис — невежде бич и страх³⁹.

Но дальше — глубокое раздумье о судьбах и действительности обнаженной сатиры:

Мертвец в России очутился,
Он ищет новости какой,
Но свет ни в чем не пременился,
Все идет той же чередой;
Все так же люди лицемерят,
Все те же песенки поют,
Клеветникам как прежде верят,
Как прежде, все дела текут;
В окошки миллионы скачут
Казну все крадут у царя,
Иным житье, другие плачут, —
И мучат смертных лекаря;
Спокойно спят архиереи,
Вельможи, знатные злодеи
Смеясь, в бокалы льют вино,
Невинных жалобе не внемлют,
Играют ночь, в сенате дремлют,
Склоняясь на красное сукно.

³⁸ А. С. Пушкин, т. XI, стр. 96.

³⁹ Там же, т. I, стр. 156.

И довольно безотрадный вывод:

Вдохнул Денис: «О боже, боже!
Опять я вижу то ж да то же.
Передних грозный Демосфен,
Ты прав, оратор мой Петрушка:
Весь свет бездельная игрушка,
И нет в игрушке перемен.

А рядом — стихотворение «Гроб Анакреона», в котором проявляется явная симпатия к жизнеутверждающему поэту:

Будто лени голос милый
В мертвой слышится струне...
Хочет петь он бога брани,
Но поет одну любовь...
* * * * *
Сладострастия мудрец...
Он исчез, как наслаждение,
Как веселый сон любви.

Но и сюда врывается та же нота неудовлетворенности жизнью, какую мы видели в «Тени Фонвизина»:

Смертный, век твой привиденье —
Счастье резвое лови.

В этом же году Пушкин пишет «Послание к Юдину», где он далек от бичующей фонвизинской сатиры:

Смотрю с улыбкой сожаленья
На пышность бедных богачей...
...Навек оставил саблю мести...
И снова я, философ скромный,
Укрылся в милый мой приют...

О себе:

Питомец муз и вдохновенья...

Возможно, уже здесь зарождается у поэта стремление стать выше окружающей его жизни, заглянуть вперед?

Своеобразную раздвоенность, поиски своего метода можно заметить и в других стихах молодого Пушкина. В «Стансах» (Из Вольтера, 1817) мы видим только внешнюю переключку с выдающимся сатириком, а по существу — это спор с ним и опять раздумье о своей музе:

Ты мне велишь пылать душою...
Потом:
Из круга смехов и харит
Уж время скрыться мне велит.

Но вывод:
Живем мы в мире два мгновения —
Одно рассудку отдадим (курсив мой. — Н. П.).

Поэт понимает, что он значительно выше своего времени, что его творчество не может уложиться в рамки текущей обыденной жизни.

В стихотворении «В. Л. Пушкину» (1817) проводится, по существу, та же мысль:

Счастлив кто мил и страшен миру;
О ком за песни, за дела
Гремит правдивая хвала (курсив мой. — Н. П.).

Почти как поэтический манифест звучат слова в знаменитой *сатирической оде* «Вольность» (1817):

— Хочу *воспеть* свободу миру,
На тронах *поразить* порок (курсив мой. — Н. П.).

Но уже в 1818 году, в послании «К Н. Я. Плюсковой», Пушкин говорит о своей задаче, более точно определяя, на наш взгляд, основную направленность своего творчества:

Свободу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моею...
.....
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Удивительно точное слово находит поэт, называя свою музу «стыдливой»! А разве можно употреблять его, даже косвенно, при оценке и характеристике творчества Фонвизина?! Для Пушкина же оно естественно: в нем и целомудренная чистота, и какая-то по-человечески мягкая гордость, и, безусловно, вера в лучшие качества человеческой души. Вместе с тем в нем нет слабости и уступчивости перед отрицательными явлениями действительности: «стыдливая муза» не рождена для «забав», ее голос «неподкупен».

Жизнь напоминает о себе повседневно, и поэт откликается на нее. В том же 1818 году он пишет «Сказки» — резкую сатиру на Александра I:

— Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот.

А потом — возвышенное, страстное, устремленное в будущее послание «К Чаадаеву». И почти рядом (1819) — *лирически-дневная* «Деревня».

Очень любопытно воспоминание Любич-Романовича о том, как Пушкин задумывал образ «Хлестакова» и как он отнесся к гоголевскому персонажу. «Тип Хлестакова у меня был наметчен в живом лице... Это своего рода Митрофанушка, только

более обтесанный и менее отрочен... Но по характеру своему также *наивен и скромн...*, чего однако Гоголь не дал своему Хлестакову, вложив в его речь дозу нахальства и уверенной глупости»⁴⁰.

Не будем спорить о том, осуждается здесь Гоголь или просто констатируется факт. Здесь любопытно другое — восприятие Пушкиным Митрофанушки. Даже в этом последовательно отрицательном персонаже, написанном Фонвизиним уничтожающе едко, Пушкин стремится разглядеть положительные человеческие черты. Разве не проявляется в этом одна из сторон великого пушкинского гуманизма? Кстати сказать, совершенно не случайно, на наш взгляд, особенно восторженно отзывался Пушкин о «Вечерах» Гоголя: «Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства и чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность!»⁴¹.

Поэту был особенно близок юмор «Вечеров», сочетавшийся с любовью к людям и органически слитый с лиричностью. Шаховской вспоминает: «Пушкин говорил, что он лиризм *везде любит*»⁴² (курсив мой. — Н. П.).

Закljučают в себе большой смысл высказывания Пушкина о «Евгении Онегине», сделанные в *процессе работы* над романом. В них опять-таки можно проследить внутреннюю борьбу поэта по вопросу о том, каким должно быть соотношение утверждающего, идеального начала и отрицания, какой *характер* должно иметь критическое отношение ко многим явлениям современной жизни. Приведем эти высказывания.

Тургеневу. 1 декабря 1823 года: «...я на досуге пишу новую поэму «Евгений Онегин», где *захлебываюсь желчью*»⁴³.

Рылееву. 21 января 1825 года: «Бестужев мне пишет много об Онегине, — скажи ему, что он неправ: ужели хочет он изгнать все легкое и веселое из области поэзии? Куда же денутся сатиры и комедии?.. Это *немного строго*. Картины светской жизни *также* входят в область поэзии»⁴⁴ (курсив мой. — Н. П.).

Бестужеву. 24 мая 1825 года: «Онегин все-таки лучшее произведение мое... Ты говоришь о сатире англичанина Байрона и сравниваешь ее с моею и требуешь от меня такой же. Нет, моя душа, многого хочешь. *Где у меня сатира?* О ней и помину нет в «Евгении Онегине». *У меня бы затрещали набережная, если б коснулся я сатире*. Самое слово *сатирический* не должно бы находиться в предисловии. *Дождись других песен...*»⁴⁵.

Некоторые переделки текста говорят о смягчении обнажен-

⁴⁰ Пушкин-критик. М., Гослитиздат, 1950, стр. 555.

⁴¹ А. С. Пушкин, т. XI, стр. 216.

⁴² Пушкин-критик, стр. 562.

⁴³ А. С. Пушкин, т. XIII, стр. 80.

⁴⁴ Там же, стр. 134.

⁴⁵ Там же, стр. 155.

ного сатирического и, вместе с тем, оттачивании глубокой и тонкой иронии. К ним, в частности, относятся следующие стихи, характеризующие «милую старушку» Ларину.

В одной из редакций было:

Она меж делом и досугом
Открыла тайну, как супругом,
Как Простакова, управлять⁴⁶.

Очевидно, слишком ясная в своей звероподобности и несколько гиперболизированная, с точки зрения жизненной правды, Простакова не вязалась с общим тоном произведения, и автор вычеркивает ее имя, заменяя его в окончательном тексте словом «самодержавно»⁴⁷.

Примерно в этом же плане можно объяснить и то, что Пушкин заменяет «Елисея» «Апулеем»⁴⁸. Все же юмор поэмы В. Майкова, хотя и нравился Пушкину («Елисей истинно смешон»)⁴⁹, но был не только груб, но даже в некотором смысле вульгарен.

Возможно, внутренней борьбой не столько в идейном плане, сколько в плане творческого метода объясняется и знаменитое «Поэт и толпа» (1828). С одной стороны, «лира вдохновенная», «звучно так поет», «сердца волнует, мучит, как свое нравный чародей», «как ветер, песнь его свободна», с другой — требования «черни»: «Сердца собратьев исправляй... Ты можешь, ближнего любя, давать нам смелые уроки...».

И далее перечисляются обычные для того времени объекты сатиры:

Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны...
Гнездятся клубом в нас пороки.

Поэт не хочет давать «уроки» этому обществу и заявляет ему: «Не оживит вас лиры глас» (вспомним горькие размышления о *действенности* сатиры в «Тени Фонвизина»).

Характерно, что в этом же, 1828 году Пушкин пишет едкую эпиграмму «Послание к Великопольскому» (сочинителю «Сатиры на игроков»), где также выступает против моралистической направленности обнаженной сатиры:

Так элегическую лиру
Ты променял, наш моралист,
На благочинную сатиру?
Хвалю поэта — дельно миру!
Ему полезен розги свист⁵⁰.

⁴⁶ А. С. Пушкин, т. VI, стр. 640.

⁴⁷ Там же, стр. 45.

⁴⁸ Там же, стр. 619.

⁴⁹ Там же, т. XIII, стр. 64.

⁵⁰ Там же, т. III, стр. 91.

Есть ряд и прямых высказываний Пушкина, в которых он выступает против сведения задач литературы только к утилитарно-педагогическому назначению ее, против нравоучительного тона предшествующей литературы.

Когда Вяземский в статье об Озерове написал: «Обязанность всякого писателя есть согреть любовью к добродетели и воспалить ненавистью к пороку...» — Пушкин на полях рукописи отметил: «Ничуть. Поэзия выше нравственности — или по крайней мере совсем иное дело»⁵¹.

В 1830 году он говорил: «Шутка, вдохновенная сердечной веселостью и минутною игрою воображения, может показаться безнравственной только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с нравоучением, и видят в литературе одно педагогическое занятие»⁵² (курсив мой. — Н. П.).

Однако из приведенных высказываний совершенно не следует, что заключительные строки стихотворения «Поэт и толпа» — «Не для житейского волнения...» и т. д. — являются творческим манифестом Пушкина. Это одно из проявлений его внутренних колебаний по вопросу соотношения «идеального» и сатирического. Никакая односторонность в этом плане не была приемлема для Пушкина, он это хорошо сознавал сам, об этом же свидетельствует и все его творчество. Пушкин, конечно, понимал общественную значимость и важность сатиры. Это подтверждается всеми его оценками Фонвизина и таким заявлением Вяземскому: «Уголовное обвинение, по твоим словам, выходит из пределов поэзии. Я не согласен. Куда не достигает меч законов, туда достигает бич сатиры. Горацианская сатира, тонкая, легкая, веселая, не устоит против угрюмой злости тяжелого пасквиля. Сам Вольтер это чувствовал»⁵³. В этом же плане и совет Плетневу: «Не пиши добрых критик. Будь зубаст и бойся приторности»⁵⁴, и уважительное отношение к «сатирической палице» Вяземского, и гневные стихи:

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич.
.....
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать⁵⁵.

Но в художественной *практике* такой сатиры, чтобы от нее «затрещала набережная», как обещал он Бестужеву в 1825 году, Пушкин так и не дал. Об этом сказал еще Добролюбов в

⁵¹ А. С. Пушкин, т. XII, стр. 299.

⁵² Там же, т. XI, стр. 157.

⁵³ Там же, т. XIII, стр. 43.

⁵⁴ Там же, стр. 154.

⁵⁵ Там же, т. II, стр. 458.

статье «Сочинения Пушкина»: «Поэт, как мы знаем, не исполнил своего предположения»⁵⁶.

Конечно, конкретные условия времени и положение поэта в обществе в известной степени сдерживали развитие остросатирических тенденций в творчестве Пушкина. Он сам не раз говорил об этом: «Никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!». И «навряд ли царь простит меня за трагедию»⁵⁷. Или еще определеннее: «Не лгать можно; быть искренним невозможно физическая. Перо иногда остановится, как с разбега перед пропастью»⁵⁸.

Известно, что ряд наиболее резких портретных зарисовок и острых политических высказываний поэт вынужден был зашифровать, а некоторые эпиграммы просто уничтожить. О последнем свидетельствует, в частности, такое замечание: «Из всего, что должно было предать забвению, более всего жалею о своих эпиграммах — их всех около 50 и все оригинальные...»⁵⁹.

Однако только этими условиями века Пушкина до конца не объяснишь, хотя бы уже потому, что «Ревизор» и первые главы «Мертвых душ» были написаны при его жизни. Ведь смешно было бы сказать, что Гоголь по своим личным качествам был решительнее и смелее Пушкина! Дело, очевидно, в том, что пушкинское представление о предмете и задачах литературы было обширнее, полнее, чем фонвизинское и даже гоголевское, что творчество Пушкина не укладывается в его время и по своим идеалам, оптимизму и солнечности стоит ближе к будущему, чем творчество Гоголя и Салтыкова-Щедрина.

Как бы подтверждая этот вывод, сам Пушкин замечает: «Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлетя творческою мыслию — такова смелость Шекспира, Данте, Мильтона, Гете в «Фаусте», Мольера в «Тартюфе»⁶⁰.

Пушкин боялся авторской моралистичности, присущей предшествующей ему сатире, в том числе и сатире Фонвизина, считая, что она неизбежно сужает полноту изображения жизни, а ее гиперболизм несколько нарушает объективность.

Широко известны высказывания А. М. Горького о русской литературе XIX века. В них подчеркивается именно обширность творческих устремлений Пушкина, позволивших Горькому говорить о поэте как о самом полном выражении духовных сил России.

⁵⁶ Н. А. Добролюбов. Избранные сочинения, стр. 360.

⁵⁷ А. С. Пушкин, т. XIII, стр. 240.

⁵⁸ Там же, стр. 244.

⁵⁹ Там же, стр. 160.

⁶⁰ Там же, т. XI, стр. 61.

ПУШКИНСКИЕ НАУЧНЫЕ КОМИССИИ ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МФ АН СССР И ОДЕССКОГО ДОМА
УЧЕНЫХ

ПУШКИН
НА ЮГЕ

Труды
Пушкинской конференции
Одессы и
Кишинева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИНЦА»
МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
КИШИНЕВ * 1961